

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.079-087

И. И. Писаревский*

Метод поощрения в правовом регулировании отношений банкротства: опыт уголовной юстиции

Аннотация. Объектом исследования в работе избран вопрос в целом о методе правового регулирования отношений банкротства в Российской Федерации и его природе. Предметом выступает проблема реализации метода поощрения, в первую очередь в контексте процедур банкротства граждан. Метод поощрения рассматривается через призму воплощения в конкретных нормах банкротного законодательства, предоставляющих меры поощрения за то или иное одобряемое обществом и государством поведение, что выражается в поощрительной санкции. В связи с этим в работе отмечается, что действующее законодательство о несостоятельности (банкротстве) не только почти не содержит поощрительных норм, но и в целом почти не использует даже диспозитивные методы правового регулирования. В действительности истинной диспозитивностью на сегодняшний день обладают только кредиторы, но не арбитражный управляющий и тем более не должник, для которых законодателем предусмотрены исключительно обязанности и запреты. Из сказанного делается вывод о том, что существующее правовое регулирование отношений банкротства выступает квинтэссенцией императивного метода. И как это ни парадоксально, альтернативу этой императивности мы предлагаем искать в сфере уголовной юстиции. Отмечается, что многие уголовно-правовые и уголовно-процессуальные институты, такие как явка с повинной, деятельное раскаяние, могут быть перенесены в сферу банкротных правоотношений и могут повысить эффективность их правового регулирования. В частности, это поможет обеспечить принцип добровольного сотрудничества должника с финансовым управляющим. В заключение предлагаются конкретные направления для внедрения метода поощрения в сфере несостоятельности по аналогии с уголовной юстицией.

Ключевые слова: поощрительная санкция; метод поощрения; уголовная юстиция; стимулирующие нормы права; диспозитивные нормы; правоотношения в сфере банкротства; императивные нормы; должник; арбитражный управляющий; кредиторы; явка с повинной; деятельное раскаяние.

Для цитирования: Писаревский И. И. Метод поощрения в правовом регулировании отношений банкротства: опыт уголовной юстиции // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 1. — С. 79–87. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.079-087.

© Писаревский И. И., 2024

* Писаревский Илья Игоревич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, руководитель отдела сопровождения процедур банкротства ООО «БизнесЮрист»
Маерчака ул., д. 6, каб. 222, г. Красноярск, Россия, 660075
iliay@mail.ru

The Method of Encouragement in the Legal Regulation of Bankruptcy Relations: The Experience of Criminal Justice

Ilya I. Pisarevskiy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Siberian Federal University; Head of the Bankruptcy Procedures Support Department, ООО «BiznesYurist»
6, office 222, Maerchaka St., Krasnoyarsk 660075, Russian Federation
iliay@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to considering the issue of the method of legal regulation of bankruptcy relations in the Russian Federation and the nature of this method. The paper examines the problem of implementing the method of encouragement, primarily in the context of bankruptcy procedures applied to citizens. The method of encouragement is considered through the prism of implementation of bankruptcy legislation in specific norms, providing incentives for a particular behavior approved by society and the state, which is expressed in an encouraging sanction. In this regard, the paper highlights that the current legislation on insolvency (bankruptcy) not only contains almost no encouraging norms, but also, in general, it does not employ even dispositive (non-mandatory) methods of legal regulation. In fact, only creditors have true dispositivity (discretion) today, but not the arbitration administrator, and even more, not the debtor, for whom the legislator provides only duties and prohibitions. From the above, it is concluded that the existing legal regulation of bankruptcy relations is the quintessence of the imperative method. Paradoxically, the author proposes to look for an alternative to this imperative in the field of criminal justice. The author highlights that many criminal law and criminal procedure phenomena, such as confession and active repentance, can be transferred to the sphere of bankrupt legal relations and they can increase the effectiveness of their legal regulation. In particular, this will help to ensure the principle of voluntary cooperation between the debtor and the finance manager. In conclusion, the author proposes to introduce the method of encouragement in the field of insolvency by analogy with criminal justice.

Keywords: encouraging sanction; method of encouragement; criminal justice; stimulating rules of law; non-mandatory norms; legal relations in the field of bankruptcy; imperative norms; debtor; arbitration manager; creditors; surrender; active repentance.

Cite as: Pisarevskiy I. The Method of Encouragement in the Legal Regulation of Bankruptcy Relations: The Experience of Criminal Justice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19.(1):79-87. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.079-087

Специфика отношений о несостоятельности (банкротстве), образующая предмет правового регулирования соответствующей отрасли права, предполагает сочетание как частноправовых, так и публичных начал.

Обозначенный предмет, в свою очередь, обуславливает специфику метода правового регулирования, который, на первый взгляд, должен предполагать также разумное сочетание императивных и диспозитивных средств.

Однако методы, которые используют современный законодатель и судебная практика для достижения целей института банкротства, не являются типичными для этой отрасли права, уходящей своими корнями всё же в частноправовую, а не публичную сферу. Более того,

рассматриваемый вопрос приобретает особую актуальность по отношению к процедурам банкротства граждан, где в противоречие с требованиями кредиторов вступают не иллюзорные интересы государства по оздоровлению экономики, а совершенно реальные желания конкретного гражданина-банкрота.

Поскольку настоящая работа не является исследованием в области теории государства и права и в то же время в силу избранной тематики не может существовать изолированно от наработок последней, дабы избежать каких-либо разночтений, сразу же обозначим, что в вопросах понимания метода правового регулирования мы будем исходить из разделения методов на императивный, диспозитивный, поощ-

рительный и рекомендательный — по способу воплощения в нормах права¹ как регулятивных средствах, совокупность которых уже может образовывать специфический метод правового регулирования для отрасли права (например, договорно-поощрительный для трудового права²), а в еще более широком смысле — группы отраслей (например, публично-правовой и частноправовой метод соответственно в публичном и частном праве).

С учетом предмета исследования нам, конечно же, в первую очередь интересен метод поощрения, воплощающийся в нормах права, предоставляющих меры поощрения за то или иное одобряемое обществом и государством поведение, что выражается в поощрительной санкции как последствию реализации одобряемой модели поведения, которая противостоит общеупотребительному значению санкции, используемому преимущественно в репрессивном значении в сфере уголовной юстиции.

Так какие же методы в избранной терминологии преобладают в сфере регулирования банкротных правоотношений и есть ли среди них место поощрительным нормам?

Не будем томить нашего читателя и поспешим сообщить, что системный анализ действующего Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) приводит к неутешительному выводу о почти полном отсутствии в нем метода поощрения. Единственная встреченная нами поощрительная норма закреплена в ст. 20.7 Закона о банкротстве, согласно которой поощряется эффективная деятельность арбитражного управляющего, что выражается в виде зависимости суммы его вознаграждения от размера удовлетворенных требований кредиторов (в случае банкротства

юридических лиц) или стоимости реализованного имущества (в случае банкротства граждан).

Еще одно любопытное наблюдение заключается в том, что согласно Закону о банкротстве диспозитивный метод правового регулирования относится лишь к одной группе участников банкротных правоотношений — кредиторам, кто в состоянии выбирать модель своего поведения, начиная, например, с решения вопроса об образовании комитета кредиторов (п. 2 ст. 12) и заканчивая выбором дальнейшей судьбы объектов незавершенного строительства в деле о банкротстве застройщика (ст. 201.10).

Нам могут возразить, что элементы диспозитивности присутствуют в регулировании деятельности арбитражного управляющего. Отчасти это действительно так; например, согласно абз. 6 п. 1 ст. 20.3 Закона о банкротстве арбитражный управляющий вправе самостоятельно решать вопрос о привлечении специалистов для обеспечения возложенных на него обязанностей или распоряжаться имуществом должника (абз. 2 п. 3 ст. 129 Закона о банкротстве).

Вместе с тем при ближайшем рассмотрении мы увидим, что вся диспозитивность арбитражного управляющего ограничивается общим императивом модели его поведения — добросовестностью и разумностью действий в интересах должника, кредиторов и общества (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве) с явным приоритетом прав кредиторов. Так, в одном из дел арбитражный суд пришел к выводу, что в соответствии с законодательством о банкротстве функция финансового управляющего сводится к пополнению конкурсной массы, в связи с чем финансовый управляющий, установив, что у должника имеется автомобиль, должен был изъять его и сдавать в аренду, отказ же от совершения названных действий был признан незаконным³.

¹ См., например: *Цечоев В. К., Швандерова А. Р.* Теория государства и права : учебник. М. : Прометей, 2017 ; *Байтин М. И., Петров Д. Е.* Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 84–95.

² См., например: *Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А. И. Абрамова [и др.] ; под ред. А. С. Пиголкина.* М., 2003.

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.09.2022 по делу № А50-13387/2016 // Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5f186473-1403-48d2-8874-ee85aeb68b8/>

В свою очередь, количество дел с более тривиальными выводами, где суды констатируют, например, факт необоснованного привлечения арбитражным управляющим специалистов, что в конечном итоге наносит ущерб конкурсной массе, а через это — кредиторам, исчисляется тысячами.

В этом смысле мы солидарны с М. И. Байтиным и Д. Е. Петровым, которые отличают диспозитивный метод регулирования и диспозитивную норму от диспозитивности в целом, которая может проявляться и в уголовном праве⁴.

В нормах, регулирующих поведение арбитражного управляющего, в отличие от норм гражданского права, не просматривается истинная автономия его воли, что выражается, например, в рассмотренном выше вопросе — вступать или не вступать в арендные отношения имуществом должника с целью пополнения конкурсной массы. Судебная практика различных уровней дает однозначный ответ: не просто вступать, но и вступать максимально эффективно⁵, в противном случае соответствующие действия (бездействие) будут признаны незаконными, а с самого управляющего взысканы убытки, в том числе в виде упущенной выгоды.

Здесь нелишне обратиться к тезису о том, что управомочивающие нормы не принуждают к правомерному поведению, а предоставляют в различных формах свободу выбора и активной деятельности⁶.

Таким образом, нормы, регулирующие поведение арбитражного управляющего, содержат в себе элементы диспозитивности, но диспозитивными или управомочивающими не являются.

Не желая прослыть голословными, но руководствуясь невозможностью доказать отрицательный факт, мы утверждаем, что вышеуказанное справедливо по отношению к любой норме Закона о банкротстве, наделяющей арбитраж-

ного управляющего сколь-либо значимыми правами, которые в конечном итоге перерождаются в его обязанность. В этом вопросе приглашаем несогласных с приведенным тезисом к дальнейшей научной дискуссии на полях научных изданий.

Еще более строго Закон о банкротстве под- ходит к регулированию поведения должника, в лице гражданина-банкрота или, если речь идет о должнике-организации, — его контролирую- щих лиц. Их обязанности закрепляются зако- ном еще даже до момента введения процедуры банкротства, в виде необходимости принятия мер к предотвращению банкротства (ст. 30 За- кона о банкротстве), а затем к обязанности пуб- лично заявить об этом (ст. 9 Закона о банкрот- стве) под риском применения различных видов юридической ответственности. При этом спектр таких мер действительно впечатляет.

Если в отношении противоправного поведе- ния арбитражных управляющих действует ши- роко известная общая норма ч. 3 (3.1) ст. 14.13 Кодекса РФ об административных правонаруше- ниях, а также с некоторыми изъятиями редко применяющаяся на практике статья 195 Уголов- ного кодекса РФ, то в отношении должников «криминализируется» и фиктивное (ст. 14.12 КоАП РФ, ст. 197 УК РФ), и преднамеренное банкротство (ст. 14.13 КоАП РФ, ст. 196 УК РФ), и сокрытие имущества (ч. 1 ст. 14.13 КоАП РФ, ч. 1 ст. 195 УК РФ), и неправомерное удовле- творение отдельных требований кредиторов (ч. 2 ст. 14.13 КоАП РФ, ч. 2 ст. 195 УК РФ), и воспрепятствование деятельности арбитраж- ного управляющего (ч. 4, 7 ст. 14.13 КоАП РФ, ч. 3 ст. 195 УК РФ), и неисполнение обязанности по подаче заявления о своем банкротстве (ч. 5 ст. 14.13 КоАП РФ), и даже неисполнение судеб- ного акта о привлечении себя самого к субсиди- арной ответственности (ч. 8 ст. 14.13 КоАП РФ).

c3f31a0a-f78b-47e2-be6a-a17d7fdd97c5/A50-13387-2016_20220914_Postanovlenie_kassacii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 04.05.2023).

⁴ Байтин М. И. Указ. соч. С. 94–95.

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2020 по делу № А63-13115/2014 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ес.php?id=1868378 (дата обращения: 04.05.2023).

⁶ Шафиров В. М. Естественно-позитивное право = Natural positive law : Введение в теорию. Красноярск, 2004. С. 189.

Это не считая субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам должника — юридического лица и отказа в освобождении от обязательств для должников — физических лиц.

В этом смысле регулирование поведения должника в деле о банкротстве выступает квинт-эссенцией императивного метода, что, конечно же, имеет под собой объективные основания и не является исключительно прихотью законодателя.

Справедливо считается, что в делах о банкротстве, если использовать уголовно-процессуальную терминологию, главными «потерпевшими» выступают именно кредиторы, не получившие удовлетворение своих законных требований или получившие его далеко не в полном объеме. Причиной же этого могут выступать как просто неэффективная экономическая деятельность должника, так и прямые злоупотребления с его стороны и (или) со стороны контролирующих лиц. В этом смысле арбитражный управляющий выступает в лице назначенного государством должностного лица, призванного максимально эффективно выйти из кризисной ситуации, в основе которой, как уже было указано, лежит умышленное или неумышленное ущемление прав кредиторов должником.

Вышеуказанная ситуация и порождает диспропорцию в пользу метода императивности, посредством которого государство пытается достичь целей процедуры банкротства.

Вместе с тем существует теория, призывающая к отказу от положения «право обеспечивается государственным принуждением» как единственно верного, признавая обеспечение права многоаспектной проблемой, не сводящейся только к борьбе с отклоняющимся поведением⁷, где последнее действительно достигается преимущественно императивным методом.

В связи с этим отдельные ученые также призывают к разумному соотношению частного и публичного права в сфере банкротства⁸, имея в виду, полагаем, всё же не сами отрасли права, а присущие им методы регулирования.

В последнее время на это же концептуально ориентирует и судебная практика, например указывая на необходимость добровольного сотрудничества должника-гражданина с судом, финансовым управляющим и кредиторами, что нашло отражение в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».

Однако указанное добросовестное сотрудничество со стороны государства обеспечивается на сегодняшний день лишь негативной санкцией для должника в виде риска отказа в освобождении от обязательств (п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве). Каких-либо поощрительных санкций, стимулирующих должника к правомерному поведению, Закон о банкротстве не содержит.

Это, в свою очередь, порождает проблему, суть которой заключается в отсутствии у должника реальных стимулов к правомерному и добросовестному поведению в деле о банкротстве. Данная проблема многоаспектна и находит как минимум следующие проявления.

Во-первых, как известно, основной источник пополнения конкурсной массы в большинстве процедур банкротства граждан — это их официальный доход. В то же время очевидно, что у должника имеется масса возможностей, связанных с получением дохода из источников, не поддающихся какому-либо эффективному контролю со стороны кредиторов и финансового управляющего, к числу которых можно отнести оказание частных услуг и работ, не говоря уже про получение «серой» заработной платы.

⁷ Шафиров В. М. Естественное-позитивное право (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 13.

⁸ Голубцов В. Г., Кондратьева К. С., Сыропятова Н. В. Обеспечение баланса частноправового и публично-правового регулирования в процессе предупреждения банкротства с использованием мер, направленных на стимулирование должника к надлежащему исполнению обязательств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 62–74.

Однако каких-либо стимулов для должника к их раскрытию Закон о банкротстве не содержит. Кроме того, должник потенциально может принимать меры к поиску более высокооплачиваемой работы или устроиться на несколько различных работ одновременно, но, опять же, в текущих реалиях в этом нет никакого смысла, так как в любом случае должнику положено не больше прожиточного минимума, а все остальные доходы формируют конкурсную массу. Таким образом, согласно судебной практике, должник должен лишь преодолеть минимальный уровень «социального иждивенчества»⁹, но сверх этого делать ничего не обязан.

Во-вторых, должник в силу различных причин: по незнанию или будучи введенным в заблуждение недобросовестными юристами или даже по собственному злему умыслу — может совершать различные противоправные действия в процедуре банкротства, суть которых сводится к нанесению ущерба конкурсной массе, а через это опять-таки к ущемлению прав кредиторов. Однако какая-либо поощрительная санкция за попытку исправить допущенные нарушения Законом о банкротстве не предусмотрена. Это влечет ситуацию, когда вместо добровольного сотрудничества должник, в силу тех или иных причин допустивший противоправное поведение в деле о банкротстве, например совершив оспоримую сделку, заинтересован в первую очередь приложить все силы для ее сокрытия, но не для устранения возникших неблагоприятных последствий.

И здесь, как это ни парадоксально звучит, полезным будет обратиться к опыту уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования, ведь даже такие истинно публичные отрасли права содержат массу норм с поощрительной санкцией по отношению к позитивному поведению правонарушителей.

Во-первых, уголовное право предусматривает институт явки с повинной и активного содействия раскрытию преступления, в

рамках реализации которого лицо добровольно сообщает о совершенном противоправном деянии и (или) принимает иные меры к его раскрытию. Данные действия могут рассматриваться по одиночке или в совокупности как смягчающие ответственность обстоятельства (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) либо как обстоятельства, в целом устраняющие преступность деяния. Например, согласно примечанию к ст. 275.1 УК РФ явка с повинной полностью декриминализует тайное сотрудничество с иностранным государством вопреки интересам РФ. В соответствии с примечанием к ст. 110.2 УК РФ (организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства) освобождается от ответственности лицо, добровольно прекратившее соответствующую преступную деятельность и активно способствовавшее раскрытию и (или) пресечению сопутствующих преступлений.

Во-вторых, противоправное поведение может декриминализоваться через институт деятельного раскаяния или же исключительно через устранение негативных последствий противоправного деяния. Так, лицо, совершившее преступление, предусмотренное статьей 178 УК РФ (ограничение конкуренции), освобождается от уголовной ответственности, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред. В соответствии с примечанием к ст. 201.2 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно устранило нарушения государственного контракта по государственному оборонному заказу. При этом явки с повинной не требуется.

Отдельного внимания здесь заслуживает статья 76.1 УК РФ, положения которой гарантируют освобождение от уголовной ответственности за ряд экономических преступлений, например в случае полной компенсации ущерба бюджет-

⁹ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 03.04.2023 по делу № А33-25772/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/189827e2-a94e-477d48506-22ca003b1cd9/8bd03750-b087-4c6d-aef5-9cbf0c1ee3b8/A33-25772-2021_20230403_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 04.05.2023).

ной системе РФ. Эта норма интересна тем, что в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ наличие предусмотренных в ней обстоятельств не допускает какого-либо усмотрения со стороны органов предварительного расследования или суда в вопросах необходимости прекращения уголовного дела или уголовного преследования.

В-третьих, уголовное право позволяет учитывать противоправное поведение третьих лиц как обстоятельство, либо смягчающее ответственность (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ), либо полностью декриминализирующее деяние. Например, согласно ст. 184 УК РФ (оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса) лицо, совершившее преступление, предусмотренное частью 1, 2 или 5 указанной статьи, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении него имело место вымогательство. Соответственно, во всех перечисленных случаях уголовно-процессуальное законодательство либо безальтернативно требует прекращения уголовного дела или уголовного преследования (п. 7 ч. 1 ст. 24, ст. 28.1 УПК РФ), либо оставляет этот вопрос на усмотрение следователя (с обязательным согласием руководителя следственного органа) и дознавателя (с обязательным согласием прокурора), а также суда (ст. 25, 28 УПК РФ). В последнем случае прослеживается, с одной стороны, ярко выраженная публичность уголовной юстиции, когда даже отсутствие взаимных претензий у сторон не является безусловным основанием для прекращения уголовного преследования, а требует учета совокупности различных факторов¹⁰, а с другой — доктрина реабилитирующих и нереабилитирующих обстоятельств, когда законодатель учитывает объективную разницу между лицом, невиновным в преступлении, и лицом, которое загладило уже причиненный им вред, устанавливая для них различные право-

вые последствия прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

Однако, к сожалению, следует констатировать, что почти ни один из названных институтов не получил закрепления в законодательстве о несостоятельности (банкротстве), основанном, казалось бы, на разумном сочетании публичных и частноправовых начал, а традиционно репрессивное по своей природе уголовное право и процесс гораздо более насыщены методом поощрения. Исключение составляет разве что институт мирового соглашения в деле о банкротстве, который в силу объективных причин крайне редко применяется на практике, в том числе потому, что основу для примирения составляет именно удовлетворение требований кредиторов, чего по общему правилу должник сделать не в состоянии, что и повлекло за собой обращение к институту банкротства.

В результате принцип добросовестного сотрудничества должника с судом, кредиторами и финансовым управляющим понимается лишь как очередная обязанность, подкрепленная негативной санкцией в виде угрозы отказа в освобождении должника от обязательств.

Аналогичная ситуация складывается и в сфере банкротства юридических лиц, где главным стимулом к правомерному поведению контролирующих лиц выступает дамоклов меч субсидиарной ответственности.

Это же касается и деятельности арбитражных управляющих, для которых ни Законом о банкротстве, ни законодательством о публично-правовой ответственности (КоАП РФ, УК РФ) не установлены поощрительные санкции за позитивное «посткриминальное» поведение, что также стимулирует лишь максимальным образом скрывать допущенные нарушения, но не устранять их последствия.

В свою очередь, мы считаем, что Закон о банкротстве обладает богатым потенциалом для реализации метода поощрения и внедре-

¹⁰ Подробнее см.: определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2022 № 188-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзикова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 26 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision664439.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

ния поощрительных санкций по аналогии с уголовно-правовой сферой.

Например, как уже было отмечено ранее, основной источник пополнения конкурсной массы в большинстве ординарных процедур банкротства граждан — это их доход, а основное негативное последствие процедуры банкротства для большинства граждан нашей страны — невозможность распоряжаться им в полной мере, за исключением гарантированного прожиточного минимума и ряда социальных выплат. Соответственно, должнику должно быть предоставлено право за счет добровольного продления обозначенного ограничения компенсировать ранее причиненный конкурсной массе ущерб, например выраженный в перерасходе средств свыше величины прожиточного минимума или в уменьшении конкурсной массы за счет совершения незаконной сделки.

В целом должны поощряться действия должника по добровольному раскрытию сокрытых денежных средств и имущества, а также действия арбитражного управляющего по возмещению ущерба, причиненного конкурсной массе.

При этом кредиторы, чей статус в этом случае во многом сходен с уголовно-процессуальным статусом потерпевшего, могут активно возражать против применения к должнику каких-

либо поощрений, доказывая наличие недобросовестности и злонамеренности его поведения.

А законодатель, в свою очередь, может по аналогии с уголовным процессом дифференцировать правовые последствия для должника в случае завершения процедуры банкротства по «реабилитирующим» и «нереабилитирующим» обстоятельствам — в зависимости от степени противоправности его поведения и принятых мер к устранению сопутствующего вреда.

Кроме того, нельзя не учитывать противоправность поведения «потерпевших» или просто недобросовестных участников гражданского оборота, использующих публично-правовую ответственность как инструмент вымогательства от арбитражных управляющих различных не предусмотренных законом льгот и преференций в деле о банкротстве, а иногда и просто денежных средств, под угрозой искусственно усложнить проведение процедуры.

Предлагаемые направления реформирования законодательства о несостоятельности и внедрение метода поощрения способны преодолеть его одностороннюю репрессивность, что будет способствовать развитию более гибкого, а значит, и более эффективного подхода к достижению поставленных государством перед соответствующим законодательством целей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Байтин М. И., Петров Д. Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. — 2006. — № 2. — С. 84–95.
2. Голубцов В. Г., Кондратьева К. С., Сыропятова Н. В. Обеспечение баланса частноправового и публично-правового регулирования в процессе предупреждения банкротства с использованием мер, направленных на стимулирование должника к надлежащему исполнению обязательств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2014. — № 2. — С. 62–74.
3. Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А. И. Абрамова [и др.] ; под ред. А. С. Пиголкина. — М. : Городец, 2003. — 544 с.
4. Цечоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права : учебник. — М. : Прометей, 2017. — 330 с.
5. Шафиров В. М. Естественно-позитивное право (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук — Н. Новгород, 2005. — 56 с.
6. Шафиров В. М. Естественно-позитивное право = Natural positive law : Введение в теорию. — Красноярск : ИЦ КрасГУ, 2004. — 260 с.

Материал поступил в редакцию 28 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Baytin M. I., Petrov D. E. Metod regulirovaniya v sisteme prava: vidy i struktura // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2006. — № 2. — S. 84–95.
2. Golubtsov V. G., Kondrateva K. S., Syropyatova N. V. Obespechenie balansa chastnopravovogo i publichno-pravovogo regulirovaniya v protsesse preduprezhdeniya bankrotstva s ispolzovaniem mer, napravlennykh na stimulirovanie dolzhnika k nadlezhashchemu ispolneniyu obyazatelstv // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2014. — № 2. — S. 62–74.
3. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov / A. I. Abramova [i dr.]; pod red. A. S. Pigolkina. — M.: Gorodets, 2003. — 544 s.
4. Tsechoev V. K., Shvanderova A. R. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. — M.: Prometey, 2017. — 330 s.
5. Shafirov V. M. Estestvenno-pozitivnoe pravo (problemy teorii i praktiki): avto-ref. dis. ... d-ra yurid. nauk — N. Novgorod, 2005. — 56 s.
6. Shafirov V. M. Estestvenno-pozitivnoe pravo = Natural positive law: Vvedenie v teoriyu. — Krasnoyarsk: ITS KrasGU, 2004. — 260 s.